

- ском говоре // РФВ. 1916. Т. 75. № 1. С. 139—140.
26. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии / Под ред. Орловой В. Г. М., 1970. С. 124—130.
 27. Зеленин Д. К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 1954. № 6.
 28. Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980.
 29. Lunt H. G. On writing the history of the language of Old Rus' // Semiosis. Semiotics and the history of culture. In honorem Georgii Lotman. Ann Arbor, 1984. P. 308—310.
 30. Lunt H. G. Slavs, Common Slavic, and Old Church Slavonic // Litterae slavicae Medii aevi. Francisco Venceslao Mareš Sexagenario oblatae. München, 1985.
 31. Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // ВЯ. 1974. № 6.
 32. Аванесов Р. И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник МГУ. 1947. № 9. С. 124.
 33. Живов В. Еще раз о правописании *ц* и *ч* в древних новгородских рукописях // Russian linguistics. 1986. V. 10. № 3. P. 305.

Baker R. The development of the Komi case system. A dialectological investigation. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura. 1985. X + 266 p. (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. T. 189).

В зарубежном финно-угроведении последних лет Робин Бейкер известен как автор содержательных работ.

Ряд исследований Р. Бейкера посвящен коми языку, входящему в пермскую группу финно-угорских языков. В рецензируемой работе прослеживается развитие системы склонения коми языка; фактически работа представляет собой расширенный вариант докторской диссертации «Innovation and variation in the case system of contemporary Komi dialects», защищенной автором в 1984 г. при Ист-Английском университете. В отличие от диссертации, описание в публикации дано на более широком фоне языковых особенностей уральской языковой семьи.

Обширному исследованию (276 с.) предпослано введение (с. 2—18), в котором приводится необходимая информация об «экзотической» коми стране, ее народе и истории.

Основная часть работы делится на три главы: «Коми язык» (с. 19—115), «Система склонения» (с. 116—174), «Иновации и вариации» (с. 175—240). К работе приложены схематические (диалектологические) карты коми языка, а также карты ареалов соседних языков.

Восходящие к пермскому праязыку, удмуртский и коми языки по сей день сохраняют значительную близость: общими являются 80% лексики, много общего в грамматических системах. Автор прав, указывая, что тюрко-татарскому влиянию подвергся прежде всего удмуртский язык, в коми же языке более ощутимо влияние русского языка. Фонетико-фонологическая система пермских языков в целом

сохраняет архаичные черты; так, например, сохранилось различие между *s*, *š* и *š*, восходящее к уральскому праязыку. Пермские языки относятся к старопермским языкам. Древнепермские тексты XIV в. — большое подспорье при изучении истории коми языка. В нижневолжском краю в то время господствовал еще чистый *l*-овый диалект. Переход *l* > *v* произошел явно не ранее XVII в. Порядок слов в коми языке относительно свободен. По мнению Р. Бейкера, исходным порядком является SVO, который в древних текстах чередуется с порядком SOV, в чем Р. Бейкер усматривает влияние оригинальных текстов. Отметим, что исходным типом для уральских языков обычно все же считается порядок SOV [1, 2].

Использование предлогов агглютинирующим финно-угорским языкам несвойственно. Их появление в коми языке объясняется влиянием русского языка, например, *tunim t'serez mel'uxino* «(мы) пошли через Мелюхино» (с. 29). Слова же заимствовались и из соседних родственных языков (обско-угорских, ненецкого, венского, марийского). Заимствование союзов из русского языка привело к формированию паратаксиста и гипотаксиста, характерных для индоевропейских языков (и до сих пор, впрочем, отсутствующих в самодийских языках). По мнению Р. Бейкера, влияние русского языка на разных уровнях наиболее ощутимо в коми-язьвинском наречии. Но есть и другие диалекты и наречия, в которых оно не слабее, чем в коми-язьвинском.

Несмотря на некоторые изменения, ко-

ми язык в своей основе является агглютинирующим. Представляется поэтому парадоксальным высказанное в свое время ошибочное мнение просветителя-поэта И. А. Куратова о коми языке как языке изолирующего типа (с. 47). Для агглютинирующих языков в целом характерна сингармония гласных, отсутствующая в современном коми языке, как и в ряде других финно-угорских языков. Надо, однако, подчеркнуть, что исчезновение ее иногда представляется весьма загадочным. Так, не знает сингармонии гласных современный эстонский литературный язык, хотя в ряде его диалектов (как и в близкородственном финском языке) она сохраняется.

Много внимания Р. Бейкер уделяет описанию диалектных различий исследуемого языка. При этом им использован ряд монографий по диалектам коми языка, составленных коми учеными. Существенный дополнительный материал — прежде всего по коми-пермяцким говорам — почерпнут из рукописного собрания финского ученого Т. Э. Уотила, а также из текстов, опубликованных П. Ариэст в сборнике «*Fennougristica*». 5 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1978. Вып. 456).

Различные мнения относительно границ диалектных зон Р. Бейкер излагает полностью. Например, по-разному решается в литературе вопрос о том, причислять ли верхнекамское наречие к коми-пермяцкому языку (с. 55).

Основные различия между тремя наречиями коми языка (коми-зырянского, коми-пермяцкого, коми-язьвинского) Р. Бейкер иллюстрирует, опираясь прежде всего на фонологические, морфологические и лексические критерии. Одной из морфологических особенностей является количество падежей, которых в коми-зырянском и коми-язьвинском наречиях насчитывается примерно равное количество (соответственно 17 и 15), в коми-пермяцком же — 22. К сожалению, не указаны говоры с еще большим количеством падежей (в крохальском говоре нижнеиньвенского диалекта, например, 28 [3, с. 142]). Число падежей в этом диалекте превышает даже число их в венгерском языке (23 падежа), которое до сих пор считалось максимальным для финно-угорских языков.

Р. Бейкер, исходя из данных истории языка, в некоторых случаях причисляет созвучные флексии к разным падежным формам. Так, в коми-пермяцком языке окончания *-viš* аблатива и *-ve* аккузатива восходят к формам с начальным **l*, в то время как *-viš* сублатива и *-ve* суперлатива исконно содержали *v*. По мнению рецензента, Р. Бейкер прав, связывая и флексию *-v:n* генитива с коми-зырянским

и коми-язьвинским формантом *-len, -lan* (с. 68), хотя некоторые советские лингвисты эти формы считают различными по происхождению.

При переходе к более детальному разграничению диалектов и говоров коми языка неизбежно возрастает число учитываемых параметров.

Из области морфологии особенно привлекает внимание объяснение происхождения признака мн. числа *-an (-jan)*: предполагается, что в основе этих форм лежат генитивные формы личных местоимений (*mijan* «наш», *tijan* «ваш»), с последующим ограниченным переходом их конечного компонента в качестве признака мн. числа на одушевленные существительные, прежде всего в их созвучных формах — *pijan:ponpijan* «щенки». При этом все же необходимо упомянуть, что **ja/*jä* является древнейшим суффиксом уральских языков со значением собирательности (и места), который в разных языках нередко лежит в основе признака мн. числа (в самодийских языках *je, i*, в венгерском, саамском и прибалтийско-финских *i < ja, jä* [4, 5]). В некоторых диалектах слияние падежных окончаний привело к образованию новых падежей, например, аблатотерминатива *-išed'ž* (аблат. + терминат.) в пийке- и верхневычегодском и др. Лексическое варьирование в северных районах объясняется влиянием немецкого языка. При установлении границ диалектных зон Р. Бейкер привлекает и синтаксические параметры, прежде всего использование наименований парных частей тела в ед. (как исконный вариант) или во мн. числе (под влиянием русского языка, например, в коми-язьвинском *kokjožo, kijožo* «в ноги, в руки»).

Опираясь на комплекс фонологических, морфологических, синтаксических и семантических критериев, Р. Бейкер выделяет всего 18 диалектных зон. 10 коми-зырянских диалектов традиционны, относительно же коми-пермяцкого и коми-язьвинского нет единства и у советских исследователей, ср. [6, с. 113; 3, с. 210—235]. Автор справедливо утверждает, что при проведении границ диалектных зон наряду с формами с исходным *l* (эловые, нуль-эловые, вз-эловые, безэловые) необходимо учитывать и другие факторы (с. 103), но ведь именно так обычно и поступают. Поэтому представляется преувеличенной критика Р. Бейкера в адрес советских исследователей, которые якобы разграничивают диалекты коми языка, опираясь на типы *l*-форм в качестве единственного или главного параметра («the sole or primary parameter», с. 104). Наоборот, общепризнанной является точка зрения, согласно которой «диалекты коми-зырянского, коми-пермяцкого наречий

классифицируются по целому комплексу особенностей» [6, с. 110].

Вряд ли можно согласиться с рекомендацией Р. Бейкера опираться при классификации коми диалектов прежде всего на словесное ударение как наиболее характерный показатель («the most useful single index in Komi dialect classification», с. 115). Фоном при формировании общих или отличительных черт различных диалектов во многом является миграция населения, имевшая место в прошлом; следы ее проявляются и в этнографии. Увеличение внимания к экстралингвистическим факторам (социологическим, культурным и др.) может в будущем при изучении диалектов оказать существенную помощь.

В падежной системе коми языка Р. Бейкер подчеркивает такие существенные черты, как соотношение определенности/неопределенности и одушевленности/неодушевленности. Такая же инновация наблюдается еще в марийском, селькупском и некоторых других языках. Как известно, в финно-угорском или уральском языке дихотомическим соотношением одушевленности/неодушевленности были охвачены лишь разнокорневые-вопросительные местоимения (**ku* — «кто» — **mi* — «что»). Подсчеты Р. Бейкера свидетельствуют о том, что в 700 случаях флексия аккузатива *-es* соотносена с одушевленными объектами, *-se* — с неодушевленными (в 92% случаев).

Основы современной падежной системы коми языка, как известно, восходят к уральскому языку. Наряду с окончанием генитива **-n* и аккузатива **-m* Р. Бейкер предлагает и форму *-θ* (с нулевым окончанием), совпадающую с окончанием номинатива (с. 129). Такое решение, однако, представляется спорным. В финно-угорском языке к более ранним формам латива на **-i* и **-k* присовокупились формы на **-j*, формы же локатива на **-na*/*-nā* обогатились типом на **-t*/*-tt*.

Первоначальные падежные окончания могли иметь своим источником местоимения, как и принято считать, однако происхождение аккузатива на **-m* остается неясным. Форма аккузатива (*-es*) с элементом на *s* современного коми языка восходит (через промежуточное звено в качестве суффикса притяжательного местоимения) к уральскому указательному местоимению «этот» (отметим, что вместо **se* (с. 137) правильнее была бы форма **še*, см. [7]). Объяснения, касающиеся происхождения поздних коми падежей, Р. Бейкер излагает детально, в ряде случаев оставляя читателю решить, которое из них считать более убедительным. Верно утверждение, что окончание элатива *-iś* — по фонологическим и семантическим соображениям — неправомерно связы-

вать с прибалтийско-финским суффиксом наречий *-sti* (с. 143). Однако следует отметить, что **-sti*, как известно, и является производным от элатива на **-sta*, сложившимся лишь в волжский период развития прибалтийско-финских языков, когда контакт с языками пермской группы уже был нарушен.

Возникновение ряда *l*-падежей (генитив *-len*, элатив *-liś*, датив *-li*) Р. Бейкер связывает с компонентом «одушевленный», причем исходным моментом остается локальная функция. По мнению Р. Бейкера, развитие *l*-падежей, восходящих к показателю «одушевленный», в марийском и прибалтийско-финских языках происходило параллельно. Все же представляется, что совпадение падежей в пермских и прибалтийско-финских языках только лишь параллелизмом объяснить невозможно, настолько значительно совпадение форм в этой группе падежей. Ср. датив в коми *-li*, в удм. *-li* — аллат, в прибалт.-фин. **-len*; генит. в коми *-len*, в удм. *-len* — адессив в прибалт.-фин. **-lna*; аблат. в коми *-liś*, в удм. *-leś* — аблат. в прибалтийско-финск. **-lta*. Именно поэтому хотелось бы в работе видеть более обширное сопоставление *l*-падежей.

Отдельно рассматривается развитие и всех других падежей коми языка, а также формы с послелогами, заменяющие собой определенные падежи или выступающие параллельно с ними. Основные модели флексий — V, VC, CV, CVC, а в диалектах — как результат слияния флексий — также VCVC и VCVCV.

Разграничение флексии и послелога иногда затруднительно, особенно в случаях видоизменения послелога. Некоторые конструкции с послелогами явно возникли в результате пересосмысления русских предлогов, например, *tu da va vilin* «на земле и воде». (Отметим в качестве сравнения, что такая же тенденция перехода к аналитическим конструкциям наблюдается и в других финно-угорских языках, например, в эстонских диалектах по соседству с русским языковым ареалом *laua peal* «на столе», при общем превалирующем синтетическом типе адесс. *laua-l* «на столе».) Анализируя использование конструкций с *dinin*, Р. Бейкер приходит к верному выводу о том, что семантико-синтаксические критерии для отграничения флексийных форм от послеложных фактически отсутствуют (с. 168). Это же, впрочем, констатировалось и исследователями аналогичных форм в прибалтийско-финских языках [8, 9]. В последней части исследования Р. Бейкера дается обзор ряда новообразований, среди которых центральное место занимают падежи с послеложным элементом на *vil*. В южных диалектах коми-пермяцкого языка разные формы после-

логов с основой на *vil-*, сливаясь с основным словом, дали ряд новых падежей (суперэссив *-vin*, суперлатив *-ve*, сублатив *viš*, перлатив *-vet/-vet*, супертерминатив *-ved'ž*, суперэгрессив *-višañ/-višañ*). Не оставлены без внимания и падежи более позднего образования, производные от послелогов *din-* и *ord-*. К интересным инновациям относит автор приобретение падежным окончанием датива *-li/-le* значения аккузатива. Однако в коми лингвистике принято считать, что употребление *-li/-le* в функции вин. падежа — это реликт датива, который «имел более широкие функции, обозначая вообще объект, на который переходит действие» [10]. Р. Бейкер убедительно опровергает сравнение с чувашским языком, в котором датив и аккузатив также омонимичны: в чувашском совпадение имеет фонетическую основу. Верна и позиция Р. Бейкера, связывающего присоединение датива *-li* к логическому субъекту с явным влиянием русского языка, ср. *brigad'irl'i dolžen tedn'i udžse* «бригадиру надо знать свою работу». Фактический материал в основном взят, естественно, из работ советских исследователей; тщательно Р. Бейкером изучены и рукописные собрания Т. Э. Уотила.

Особую группу среди падежей позднейшего образования в коми языке составляют в разных диалектах сложно-флективные формы. Многие из них возникли на базе апроксиматива *-lañ* в сочетании с иллативом (*-lañe*), инессивом (*-lañin*), терминативом (*-lañed'ž*), транзитивом (*-lañti*), элативом (*-lañiš*), эгрессивом (*-lañšaň*). Рассмотрение этих форм остается в работе поверхностным, полностью отсутствует их семантико-синтаксический анализ (ср. более детальное описание, данное Г. Некрасовой [11]).

В итоге можно констатировать, что исследование Р. Бейкера представляет со-

бой весомое дополнение ко всему тому, что с большой последовательностью делается по изучению финно-угорских языков в Коми филиале АН СССР и в других исследовательских центрах нашей страны.

Алвре П. Ю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jankunen J. On the structure of Proto-Uralic // FUF. 1982. XLIV. 1—3. P. 39.
2. Korhonen M. Johdatus lapin kielen historiaan // Suomalaisen Kirjallisuuden Seura toimituksia. 1981. 370. S. 342.
3. Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975.
4. Künnap A. System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe. I. Numeruszeichen und Nominalflexion // MSFOu. 1971. 147. S. 50.
5. Alvre P. Soome-ugi keelte ajalooline grammatika. I. Tartu, 1983. Lk. 42.
6. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976.
7. Основы финно-угорского языкознания (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974. С. 399.
8. Oinas F. J. The development of some postpositional cases in Balto-Finnic languages // MSFOu. 1961. 123. P. 175—180.
9. Зайцева М. И. Грамматика венского языка. Л., 1981. С. 186—187.
10. Современный коми язык. Ч. 1. Фонетика, лексика, морфология / Под ред. Лыткина В. И. Сыктывкар, 1955. С. 141.
11. Некрасова Г. О падежах на *-lañ(-)* в коми языке // Пауль Аристэ и его деятельность. Fennougristica. 12. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1985. Вып. 690.